

Переход к рыночным отношениям в экономике крайне обострил проблемы оздоровления экологии. Особенно в регионах, перегруженных гигантами промышленной индустрии. Складывается парадоксальная ситуация: рыночной экономике в сегодняшней ее гипертрофированной фазе оказались, что называется, "до фонаря" проблемы защиты окружающей среды. Между тем, в основе обоих этих слов лежит один и тот же корень "эко", что в переводе с греческого означает "дом".

В каком доме жить будем?

Получается так, что, пытаясь строить свой дом на новых принципах хозяйственных отношений, мы, как и прежде, забываем, что в этом доме предстоит жить и нам, и детям, и нашим внукам. В период героических пятилеток индустриализации просто не положено было задумываться о таких "мелочах", как охрана природы. Тогда вся задача состояла в том, чтобы безвозмездно брать от нее все, что необходимо. О среде обитания людей — "винтиков" не принято было заботиться и в более поздние периоды. Так же, или почти так же было и в так называемые застойные годы: никого особенно не волновало, что нигде и никогда не выполняются планы строительства природоохранных объектов и остаются нереализованными прекрасные постановления о защите природы от промышленных выбросов.

Сегодняшняя ситуация не лучше. Хотя и принят даже Закон Российской Федерации "Об охране окружающей природной среды". Но закон этот настолько хитроумно составлен, что превратить его в жизнь практически невозможно. Потому и встречены были с большим беспокойством предложения и замечания генерального директора акционерного общества "Магнитогорский металлургический комбинат" А. И. Старикова, высказанные им в интервью нашей газете в номере от 4 февраля ("Магнитка" — особая зона).

В частности, начальник экологического отдела городской администрации С. Г. Ципорин сказал следующее:

— Меня удивили предложения Старикова о том, что необходимо сегодня добиваться для Магнитки статуса зоны экологического бедствия. Ведь в статье 58 Закона "Об охране окружающей природной среды" пункт 3 гласит:

"В зоне чрезвычайной экологической ситуации прекращается деятельность, отрицательно влияющая на окружающую природную среду, приостанавливается работа предприятий, учреждений, организаций, цехов, агрегатов, оборудования, оказывающих неблагоприятное влияние на здоровье человека, его генетический фонд и окружающую природную среду, ограничиваются отдельные виды природопользования, проводятся оперативные меры по восстановлению и воспроизводству природных ресурсов".

Это означает, что получение Магниткой статуса зоны экологического бедствия будет означать практически автоматическую остановку металлургического комбината, как основного загрязнителя окружающей среды. Когда этот закон был принят в прошлом году, Анатолий Ильич, наоборот, просил нас не обострять вопроса о получении городом этого опасного с точки зрения закона статуса.

— Вам, Сергей Георгиевич, — обращаюсь к Ципорину, — понятна, как специалисту, изначальная невыполнимость этого закона. Получается так: чтобы избавить голову от боли, надо применить радикальное средство — просто отсечь эту большую голову. Никто же на это не пойдет. Расчет здесь может быть очень прост: вряд ли кто при такой формулировке закона станет добиваться для своего предприятия и региона статуса зоны экологического бедствия — не враг же ты сам себе в конце концов. А коль скоро не будет возникать вопроса о зонах экологического бедствия — за исключением, конечно, тех зон, где могут произойти крупные экологические катастрофы, вроде чернобыльской, — то не будет и необходимости направлять целевые средства на осуществление локальных природоохранных программ и предоставлять льготные условия регионам для самостоятельного решения экологических проблем.

— Я бы не хотел думать, что закон преследует такие узкокорыстные цели, но могу согласиться с тем, что он несовершенно и требует доработки. Особенно в части определения критериев зоны экологического бедствия. Это сдерживает и выполнение самого закона, и наши местные, так сказать, усилия, а мы сложу руки не сидим, хотя Стариков и обвиняет нас в бездеятельности.

Скажем, в ответе на запрос председателя зонального комитета по экологии и природопользованию Ю. Н. Заплаткина, сделанный по инициативе нашего городского Совета и экологического отдела, начальник Главного управления государственной экологической экспертизы Г. С. Чегазов писал еще в мае прошлого года: "В настоящее время Минэкологии России разрабатываются критерии выделения территории, объявляемой зоной экологического бедствия или

чрезвычайной ситуации, а также требования к документации, представляемой на государственную экологическую экспертизу и обосновывающей принятие подобного решения.

После завершения указанных работ Главэкспертиза Минэкологии России вернется к рассмотрению вопроса об утверждении статуса "зоны экологического бедствия" г. Магнитогорска.

— Улита едет. Создается впечатление, что это не Минэкологии, а минбюрократии. Ведь требования о придании Магнитке статуса зоны экологического бедствия звучат с 1988 года. А в центральных органах до сих пор не выработаны критерии оценки зоны экологического бедствия, хотя в Магнитогорске работало множество различных комиссий и групп специалистов самых разных уровней, и уж недостатка в объективных данных быть просто не может.

— Дело это не такое простое, как может показаться на первый взгляд. — вступает в разговор депутат городского Совета М. Ю. Крюков, советник председателя горсовета по экологическим вопросам. — Мне известно, что материалы по критериям оценки зон экологического бедствия на сегодняшний день подготовлены и теперь "ходят" по кабинетам правительства перед утверждением. Будем надеяться, что критерии скоро будут утверждены, и Магнитогорск сможет получить льготные условия для решения своих экологических проблем. А пока городской Совет постоянно борется с областным Советом за те отчисления, которые необходимы нам для решения экологических проблем прежде всего. И это не мелкие драки, как их называл в своем интервью Стариков, а именно принципиальная борьба по очень важным позициям финансирования наших программ в отсутствие тех льгот, которые могли бы быть у Магнитки, имея мы статус зоны экологического бедствия.

— Но вот в "Российской газете" в номере от 10 февраля появилась небольшая заметка "Пособие "больному" городу. В ней говорится:

"Государственная поддержка будет оказана Нижнему Тагилу — одному из самых больных экологически городов Урала."

Теперь валютная выручка предприятий, а также извлеченные при рекультивации земель драгоценные металлы будут собственностью города. Оборонным предприятиям выделят целевые льготные кредиты. При помощи государства будет построена детская больница. После проведения государственной экологической экспертизы в Тагиле правительство готово рассмотреть вопрос и о выплате горожанам ежемесячных пособий".

По отношению к Нижнему Тагилу, выходит, можно было принять такое правительственное постановление, хотя мощность Нижнетагильского металлургического комбината сопоставима с мощностью нашего комбината, а в отношении Магнитогорска вопрос нерешаем. Не значит ли это, что "дти не плачет, — мать не разумеет"?

— Во-первых, постановление правительства по Нижнему Тагилу, — говорит С. Г. Ципорин, — (вот у меня в руках его проект, то есть мы знали о его подготовке много раньше) — это не совсем то, что необходимо Магнитогорску. В постановлении не вошел, в частности, пункт, предусматривающий перевод в распоряжение города 50 процентов причитающихся отчисления таможенных отчислений от экспорта продукции предприятий города. Для Магнитки же, как, впрочем, и для Тагила, наверно, крайне важна именно эта статья валютных поступлений. Они могли бы использоваться и для приобретения современного зарубежного природоохранного оборудования, и для обновления технологии, что и является главным направлением в сегодняшней работе по оздоровлению экологии.

Действительно, Магнитке нужен не сам по себе статус зоны экологического бедствия, и даже не централизованные инвестиции в наши экологические программы. Необходимы не драконовские меры, предусмотренные Законом "Об охране окружающей природной среды", а льготные экономические условия, которые позволили бы комбинату и городу решить в короткие сроки проблемы оздоровления нашего собственного дома, в каком жить и нам, и нашим детям. И за эти условия бороться не только комбинату, но и всему городу.

М. КОТЛУХУЖИН.

Где эта улица, где этот...

Я начисто забыл, где живет мой школьный друг. Мы не виделись с ним лет десять. Казалось, и срок — то небольшой, но память как отрезало. Брожу между стандартными пятиэтажками, вглядываюсь в окна, подолгу стою у дверей подъездов... Нет, ничего не получается. А может, он уже и адрес сменил? Я ищу его здесь, а он живет себе где-нибудь в Екатеринбурге или в глухой сельской деревушке. И не может найти меня, потому что за эти десять лет я уже трижды переезжал.

В такой ситуации последней надеждой и единственным помощником становится адресное бюро. Небольшая организация со штатом в шесть человек, приносящая забывчивым людям большую пользу. Об этой службе наш брат — журналист почему-то очень редко пишет. Может быть, потому, что работа бюро кажется не слишком интересной, может, неприметная табличка редко кому бросается в глаза, а может потому, что до недавнего времени писать о ней не особенно рекомендовалось: были здесь свои секреты. Часть из них таковыми уже не являются, но кое-что осталось до сих пор.

Простые граждане обращаются сюда довольно редко. За день если придет человек — сорок, то работникам адресного бюро кажется, что чуть ли не полгорода бросились искать друг друга. Потому что работа с клиентами — только надводная часть айсберга.

Подводная же работает в первую очередь на управление внутренних дел, чьим подразделением адресное бюро и является. Одно время работники службы даже милицейские звания носили. Потом "наверху" посчитали это излишеством, и теперь начальник бюро Людмила Александровна Кулешова и ее подчиненные — люди сугубо штатские. Но, как и прежде, в любое время суток органы могут получить здесь домашний адрес любого из нас.

Нужны им наши адреса по самым различным причинам. Ищут свидетелей, потерпевших, преступников, лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, проверяют место жительства задержанных по каким-либо обстоятельствам. Нередко устанавливаются адреса погибших, например, в дорожно-транспортном происшествии, и тут же сообщается о случившемся ближайшим родственникам.

Близкие отношения с адресным бюро поддерживают и медицинские учреждения, которые с помощью обширнейшей картотеки отыскивают своих пациентов, состоящих на учете и сменивших место жительства. В числе таких междучерждений — наркологический, противотуберкулезный, кожно-венерологический диспансеры. Понятно, чем быстрее найдут человека, больного, скажем, венерическим заболеванием, тем скорее ему окажут помощь. Да и от здоровых людей вовремя изолируют.

После медицины в списках клиентов адресного бюро значатся пункты проката, библиотеки, органы государственного страхования, кредитные учреждения... Эти "охотятся" за должниками. Ведь некоторые порой по забывчивости, а нередко и с умыслом, взят книгу в библиотеке или вещь в прокате, вернуть "забывают". И посмеиваются — здорово мы их! Оказывается, радоваться рано. Лучше все-таки отдать чужое в руки хозяев. Чтобы не оплачивать потом судебные издержки и многократную стоимость "зачитанной" книги.

Одно время адресное бюро здорово "доставали" своими запросами секторы учета комитетов комсомола. Союз молодежи начал рассылать значительно раньше Союза ССР, и многие комсомольцы, меняя место жительства, не спешили заявлять о своей принадлежности к рядам ВЛКСМ. Секторы учета в этой ситуации не дремали, через адресные бюро отыскивали своих нерадивых членов, и следом за ними в ближайший райком комсомола летели учетные карточки. Кстати, партия своих коммунистов тоже искала таким способом, но значительно реже. Сказывалась — так партийная дисциплина.

Впрочем, это уже история. Работникам адресного бюро и без нее дел хватает. Взять хотя бы наши письма и телеграммы. Мы нередко "грешим" на почту, которая доставляет наши послания черепашими темпами, но ведь в ряде случаев многое зависит и от нас. К примеру, поторопились поздравить близкого родственника с юбилеем и... забыли указать на конверте название улицы, по которой живет юбиляр. Так письмо появляется в адресном бюро. За неделю таких посланий здесь сортируется ни много ни мало 60 штук. И ежедневно 10 телеграмм, посланных "на деревню дедушке". Хорошо, если у адресата нераспространенная фамилия, и полностью указаны имя и отчество. Тут адресное бюро поможет дойти корреспонденции до места назначения. Но если вы пишете послание какому-нибудь И. М. Иванову, отыскать такого в полумиллионном городе практически невозможно. Хотя бы потому, что фамилию Иванов носят почти шесть тысяч жителей. Следом за ней по популярности идут, естественно, Петров и Сидоров. В этом случае наше письмо скорее

всего вернется по обратному адресу. Так что не забывайте хотя бы его указывать правильно.

Вообще, память у нас дырявая. Нередко не помним даже адресов ближайших родственников, не говоря уже о школьных друзьях. А иногда так хочется навестить кого-нибудь из близких. Тогда приходим мы в эту небольшую контору, расположенную на перекрестке проспекта Карла Маркса и улицы Гагарина, и начинаем вспоминать — а как же зовут родную тетю, а какого она года рождения. Без этих данных не навести справку о нужном вам адресе весьма сложно. Порой, даже ошибка в фамилии на одну букву может сказаться на получении необходимой информации.

Дело в том, что вся информация стекается в адресное бюро из паспортных отделений и, естественно, фиксирует паспортные данные человека — фамилию, имя, отчество, дату рождения, прописку. Но среди людей встречаются большие выдумщики. К примеру, вы прекрасно помните, что вашу первую любовь зовут Татьяной. Приходите в адресное бюро, наводите справку, а вам отвечают: "Такая не значится". "Как не значится? — горячитесь вы. — Да я ее каждый месяц на трамвайной остановке вижу!". Тут-то и начинается долгий кропотливый поиск, в результате которого выясняется, что на самом деле вашу знакомую вовсе и не Татьяна зовут. Это она всем так представляется. А паспортное имя у нее — Матрена.

Впрочем, подобные случаи можно отнести к разряду неординарных. В основном же система адресного бюро работает отлаженно, и, если вы точно помните все данные о разыскиваемом человеке, нужную справку вы всегда здесь получите. Ибо картотека держит в своей памяти в течение пяти лет даже тех людей, которые, как говорится, уже ушли в мир иной. Двадцать лет хранятся в адресном бюро карточки с девичьими фамилиями наших жен, знакомых, школьных подруг...

— У нас здесь как будто маленький театр, — рассказывает Людмила Александровна Кулешова. — Порой видишь и радость, и слезы. Многие люди нередко в течение всей жизни ищут своих ближайших родственников. И какая же радость охватывает их, когда нам удается им чем-то помочь! Потом о нас долго не забывают — поздравляют с праздниками, шлют благодарственные письма, по которым можно изучать всю географию страны. Может быть, из-за этого у нас здесь образовался сплоченный коллектив, который любит свою работу и дорожит ею. Несмотря на мизерную, по нынешним временам, зарплату.

Действительно, не каждый сегодня согласится выполнять эту довольно сложную, многогранную и монотонную работу за три тысячи в месяц. О компьютеризации здесь только мечтают, а пока приходится перебирать более полумиллиона карточек практически вручную.

— Что поделаешь, — сетует заместитель начальника городского УВД Николай Васильевич Котельников, — не в Америке живем, где нажал кнопку компьютера и все о человеке, вплоть до его отпечатков пальцев, у тебя на столе. Хотелось бы, конечно, компьютеризировать нашу адресную службу, только вот средств на это пока нет. Мы бы тогда не только адреса, но и другую информацию о людях могли бы туда заложить. Возможно, кто-то нас упрекнет, вот, мол, хотите милицию в ЦРУ превратить! Только при чем здесь ЦРУ? Сегодня мы не можем найти адрес потерявшегося ребенка — потому что в нашей картотеке значатся только уже получившие паспорт. Не можем установить личность погибшего, скажем, в дорожно-транспортном происшествии — потому что "пальчиков" его у нас нет. Кладем его в безымянную могилу, а через два дня жена из командировки приезжает... Или совсем уж банальная ситуация — медики просят дать данные о детях, больных церебральным параличом. Отказываем, нет у нас такой информации. Так и работаем — наугад, надеясь на интуицию, теряя драгоценное время...

И тут я вспомнил себя, плутающего, как в лабиринте, между пятиэтажками в поисках школьного друга. Казалось бы, вот эта улица, вот этот дом! Как все просто! Но не тут-то было! Лабиринт расширяется, в нем появляются новые коридоры, о которых никто из нас раньше даже не подозревал. А пройти их надо во что бы то ни стало. Иначе — заблудимся.

И. КОНОНОВ.